

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос+Рус)5

Д.Л. Гаджибалаева**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ
И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ
ПРИЕМА ПИЩИ
В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА**

Статья представляет собой попытку выявить онтологические и гносеологические особенности приема пищи и семантику пищи в прозаических произведениях А.П. Чехова. Анализируются текстовые фрагменты произведений писателя, относящиеся к теме приема пищи и собственно пищи, которые позволяют определить их как элементы художественной и объективной действительности, наполненные культурным содержанием.

Ключевые слова: *ситуация приема пищи, онтологические особенности приема пищи, гносеологические особенности приема пищи, семантика пищи.*
DOI 10.23683/1995-0640-2018-3-119-124

Гаджибалаева Динара Лукмановна – аспирант кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7-928-903-54-29
E-mail: abduzhamalovadinara@yandex.ru

© Гаджибалаева Д.Л., 2017.

Прием пищи является жизненно важным процессом, и с данной позиции он рассматривается в рамках биологических наук. В 1980 г. получает свое развитие трофология – «наука о пищи, питании и всей совокупности процессов ассимиляции пищи на всех уровнях ассимиляции живых систем» [Уголев, 1991, с. 6]. Представляя так называемую структуру повседневности, прием пищи для обывателей зачастую интересен лишь с позиции влияния самой пищи на организм или же утоления одной из основных физиологических потребностей. В связи с этим понятие приема пищи, обозначающее практические действия, оказывается на задворках интерпретации, так как для многих представляет собой определенную систему только в действительности. Можно полагать, что обыденные и не до конца осознаваемые нами определения семантических единиц и действий, связанных с процессом приема пищи, сокрыты от нас феноменом повседневности, что не давало возможности вводить его в научную парадигму знания.

Оставаясь одной из основных форм бытовой жизни человека, прием пищи, будучи вовлеченным в определенную ситуацию, реализуется в большей части художественных текстов А.П. Чехова. Под ситуацией понимается «совокупность обстоятельств, условий, создающих те или иные отношения, обстановку или положение» [Ушаков, 2013, с. 624]. Являясь элементом художественного произведения, ситуация приема пищи приобретает культурно-символическую значимость, становится от-

дельной предметной областью, особой системой со своим кодом, в связи с чем требует анализа. Благодаря исследованию текстовых фрагментов из произведений А.П. Чехова, изображающих различные ситуации как повседневной или приуроченной к какому-либо событию трапезы, так и предвещающие прием пищи, можно определить гносеологические и онтологические особенности объекта настоящего исследования.

Прием пищи – это особая точка отсчета в существовании человека, в связи с чем в языке она служит источником метафоризации во многих сферах функционирования человека. Глагол «есть» в русском языке имеет несколько значений: «принимать пищу, употреблять в пищу» [Ожегов, 1994, с. 640], «3 л. ед. ч. наст. вр. от “быть”, а также употр. в знач. форм других лиц наст. вр. от “быть” вследствие утраты старых форм спряжения» [Там же], «существует, имеется» [Там же]. Во втором и третьем случаях глагол «есть» представляет отвлеченные значения, является глаголом существования, тогда как в первом случае это глагол, обозначающий конкретное действие. Учитывая изложенное выше, обратимся к анализу рассказа А.П. Чехова «Жены артистов» (1880). В центре произведения Альфонсо Зинзага, молодой романист, творчество которого не пользуется успехом. На протяжении всего рассказа он пребывает в состоянии голода и уже в начале текста наделяется определением «*голодный, как самая голодная собака*» («Жены артистов», т. 1, с. 53). Придя домой после бесполезных хождений по редакциям, Альфонсо обращается к жене несколько раз с тем, чтобы та принесла ему поесть.

– Аааа... Гм... Понимаю! Дай мне **есть!**

– А разве ты еще не обедал?

– Нет.

– Ты же, уходя утром, сказал мне, что будешь сегодня обедать у редактора «Лиссабонских губернских ведомостей»?

– Да, я полагал, что мое стихотворение будет помещено в этих «Ведомостях», чтобы чёрт их взял!

– Неужели же не помещено?

– Нет...

– Это несчастье! С тех пор, как я стала твоей, я всей душой ненавижу редакторов! И ты **голоден?**

– **Голоден.**

– Бедняжка Альфонсо! И денег у тебя нет?

– Гм... Что за вопрос?! Ничего нет **поесть?** («Жены артистов», т. 1, с. 54 – 55).

Примечательно то, что и далее Альфонсо в выражении своего желания употребляет в основном один и тот же глагол «есть»:

– Я хочу **есть!** – сказал Зинзага. – Оденься, моя дорогая, и ступай к своей *madre* за деньгами («Жены артистов», т. 1, с. 65).

Постоянное ощущение голода Альфонсо и его несостоятельность как писателя формируют контекстуальную параллель. Альфонсо хочет есть, и Альфонсо хочет существовать как успешный писатель. Обращает на себя внимание и тот факт, что в центре произведения находится пер-

сонаж творческой деятельности. Так, если представить обозначенную выше параллель несколько иначе, через понятие «голод», то мы получим параллель между голодом, охватывающим желудок, и творческим голоданием, голоданием ума. Альфонсо, не получив удовлетворения в своей просьбе, мысленно начинает себя утешать, пытаясь убедиться, *«что тот не артист, кто не голоден»* («Жены артистов», т. 1, с. 55). Чувство голода метафорически переосмысливается, что получает отражение в языке. Лексема «голод» переносится из сферы обслуживания понятия «пища» и начинает обслуживать понятие «творчество». Таким образом, в высказывании Альфонсо слово «голоден» обозначает состояние, при котором чувствуется недостаток «пищи ума». Выражение «пища ума» из метафоры превращается в онтологический концепт. Пищей ума являются смыслы, которые генерируются в нем самом [Романенко, 2016, с. 110].

Такое широкое и различное по лексической сочетаемости употребление лексем, прямо предназначенных обслуживать тематическое поле «пища», обусловлено тем, что, как отмечал еще Аристотель в своем трактате «О пище», в основе космоса лежит процесс поглощения пищи [Романенко, 2016, с. 112]. В рамках философской парадигмы под пищей понимается не объект кулинарной действительности, а необходимое для образования живого организма сущее, выступающее одной из составляющих бытия. Пища дает не только вещество, но и энергию. Живые существа питаются для того, чтобы получать вкусовое удовольствие, а также, чтобы затем, насытившись, расходовать энергию в движении, направленном на удовлетворение других желаний [Там же, с. 111].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в рассказе «Жены артистов» в зоне персонажей голод выступает как движущая сила, стимул. Голод есть желание творить и впоследствии быть признанным.

Связь умственной деятельности и процесса приема пищи можно обнаружить и в рассказе А.П. Чехова «Святая простота» (1885), когда отец Савва Жезлов обращается к своему сыну:

– *Ешь, ешь. Тебе нужно больше есть, потому что у тебя труд умственный, а не физический... гм... не физический... Ты университет, головой работаешь* («Святая простота», т. 4, с. 248).

Произведения А.П. Чехова знакомят нас со статусом пищи и отношением к приему пищи в свете религиозной парадигмы. В рассказе «Барыня» (1882) изображается трапеза русской семьи с патриархальным укладом жизни. Невестка должна накрывать на стол и убирать стол после трапезы. Если же невестки или дочери в доме нет, то эти обязанности приходились на жену хозяина дома.

Ужин подавала жена Степана, Марья. Щи съели молча.

– *Принимай!* – сказал Максим, когда были съедены щи. Марья взяла со стола пустую чашку, но не донесла ее благополучно до печи, хотя и была печь близко. Она зашаталась и упала на скамью [...] Старуха поднялась и сама подала на стол кашу («Барыня», т. 1, с. 255).

Действия во время трапезы совершались с соблюдением определенных правил. Так, перед употреблением пищи участники трапезы в семье с патри-

архальным укладом жизни должны перекреститься и начать есть или пить только после того, как начнет есть или пить старший член семьи, ее глава.

Марья с бледным, заплаканным лицом вышла и, ни на кого не глядя, подала старику ковш. Ковш заходил по рукам. Семен взял в руки ковш, перекрестился, хлебнул и поперхнулся («Барыня», т. 1, с. 256).

Ситуация приема пищи регламентирует не только отношения между членами одной семьи, но и демонстрирует особое отношение к приему пищи как сакральному ритуалу, акту причащения к Богу. Пища представляется границей между мирским и божественным. Трапеза организуется таким образом, чтобы представить пищу, как дары, исходящие от Бога. Хозяин дома, занимающий место во главе стола, действует как бы от имени Бога, который незримо наблюдает за людьми и их отношением к дарам, сотрапезники же воздают Богу благодарность [Байбурин, Топорков, 1990, с. 145 – 146].

Ю.М. Лотман в «Лекциях по структуральной поэтике» (1964) говорит о том, что художественное произведение представляет собой художественную модель мира, которая, с одной стороны, отражает «объективную действительность в ее наиболее общих категориях», а с другой – «свидетельствует об авторском миропонимании» [Лотман, 1964, с. 25]. В художественных текстах пища, являясь знаком с определенной семантикой, служит одним из элементов познания персонажа, а вместе с тем и человека в действительности. В произведениях А.П. Чехова степень религиозности и духовности персонажа реализуется через оппозицию «постное – скоромное» в отношении к пище. Подразумевается, что люди, осознающие в своей действительности и разделяющие понятие *постного* и *скоромного* по отношению к еде и выражающие это в своей речи, должны быть духовно воспитаны. Слово «скоромный» имеет два значения: прямое (1) и переносное (2): «1. О пище: запрещенный церковными правилами к употреблению во время постов – молочный, мясной. 2. *перен.* Похотливый, чувственный, непристойный» [Ушаков, 2000, т. 4, с. 231].

*Приежжайте хоть завтра например. Мы теперь **постное** едим, но для Вас будим готовить **скоромное*** («Письмо к ученому соседу», т. 1, с. 15).

*Один благочестивый человек в день своих именин созвал к себе во двор со всего города хромых, слепых, гнойных и убогих и стал угощать их обедом. Угощал он их **постными** щами, горохом и пирогами с изюмом* («Сборник для детей», т. 2, с. 281).

*Но небось сегодня у вас **скоромное** готовили. Чай, ты и не помнишь, что нынче среда... – Она вздохнула. – Нам уж прикажи **постное** изготовить. Скоромного мы есть не станем, это как тебе угодно, братец* («Последняя могиқанша», т. 3, с. 419).

– *Пойду спать...* – говорит он, потягиваясь и зевая.

– *Что? Спать?* – спрашивает Пелагея Ивановна. – *А заговляться?*

– *Я не хочу.*

– *Да ты в своем уме?* – пугается мамаша. – *Как же можно не заговляться? Ведь во весь пост не дадут тебе **скоромного!*** («Накануне поста», т. 6, с. 86).

В произведениях А.П. Чехова ситуация приема пищи может детерминировать нормы человеческой коммуникации, а сама еда в таком случае выступать как атрибут для создания благоприятной атмосферы застолья. В рассказах А.П. Чехова «Он и она» (1882), «Герой-барыня» (1883) этикет требует от персонажей определенного поведения во время приема гостей, сопровождающегося обедом, прямо противоположного психологическому состоянию героинь. Под этикетом понимается «установленный порядок образа действий, поведения, форм обхождения (в высшем обществе, при дворе и т.п.)» [Ушаков, 2013, с.790].

Она, царица обеда, одета простенько, но ужасно дорого [...] Лицо ее сияет и льет на всю обедающую братию широчайшую улыбку. Она умеет улыбаться всем сразу, говорить сразу со всеми, мило кивать головой; кивок головы достается каждому обедающему («Он и она», т. 1, с. 240).

Неискренность в поведении персонажа в данном фрагменте подчеркивается употреблением в его характеристике глагола «умеет».

Сели обедать.

– *Отличный редис!* – заметил профессор. – *Где вы такой покупаете?*

– *Он теперь в Одессе... с этой женщиной!* – ответила Лидия Егоровна.

– *Что-с?*

– *Ах... Я не о том! Не знаю, где повар берет... Что это со мной?*

И Лидия Егоровна, закинув назад голову, захохотала над своей рассеянностью... После обеда пришла толстая профессорша с детьми. Сели за карты. Вечером приезжали гости из города...

Только в ночь, проводив последнего гостя и простояв неподвижно, пока не перестали слышаться его шаги, Лидия Егоровна могла ухватиться одной рукой за те же перила, покачнуться и зарыдать («Герой-барыня», т. 2, с. 152).

Ситуация приема пищи в обоих случаях становится фоном, который задает определенные рамки во внешнем виде, в поведении для принимающих гостей.

Такие формы бытовой жизни, как прием пищи и собственно пища, в произведениях А.П. Чехова обладают отчетливым культурным содержанием, постижение которого зависит от социально-культурных знаний интерпретатора. Для того чтобы определить онтологические и гносеологические особенности приема пищи и семантику собственно пищи как средства выражения общественного мироощущения, учитывались знания, полученные в различных сферах исследования человека.

Литература

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 165 с.

Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1 (Введение, теория стиха) // Учен. записки Тартуского гос. ун-та: Вып. 160. Тр. по знаковым системам. Тарту, 1964. 195 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. 928 с.

Романенко Ю.М. Метафизика пищи: о реконструкции утраченного аристотелевского трактата «О пище». СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2016. Т. 17, вып. 4. С. 107 – 118.

- Уголев А.М. Теория адекватного питания и трофология. Л.: Наука, 1991. 272 с.
 Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 2000.
 Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
 Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1974-1976.

References

- Bayburin A.K., Toporkov A.L. *U istokov ehtiketa: Etnograficheskiye ocherki*. L.: Nauka, 1990. 165 p. (In Russian).
 Lotman Yu.M. *Lektsii po struktural'noy poehtike*. Vypusk 1 (Vvedeniye, teoriya stikha) // *Uchen. zapiski Tartuskogo gos. un-ta: Vypusk 160. Trudy po znakovym sistemam*. Tartu, 1964. 195 p. (In Russian).
 Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. M., 1994. 928 p. (In Russian).
 Romanenko Yu.M. *Metafizika pishchi: o rekonstruktsii utrachennogo aristotelevskogo traktata «O pishche»*. SPb.: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2016, vol. 17, vyp. 4, pp. 107-118. (In Russian).
 Ugolev A.M. *Teoriya adekvatnogo pitaniya i trofologiya*. L.: Nauka, 1991. 272 p. (In Russian).
 Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* M., 2000. (In Russian).
 Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. M.: Adelant, 2013. 800 p.
 Chekhov A.P. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 18 t.* M.: Nauka, 1974-1976. (In Russian).

Dinara L. Gajibalaeva (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Ontological and Gnoseological Peculiarities of the Meals in Chekhov's Prose

Meals represent the so called structure of every day reality. Due to this the concept of meals, referring to a practical action is far from being explained. Being one of the basic forms of person's every day life, meals are incorporated into many Chekhov's fictional stories. As an element of fiction the situation of meals acquires cultural and simbólic significance, it turns to a sistem with its own code, thus requiring analysis.

The article is an attempt to determine ontological and gnoseological peculiarities of the meals and the semantics of food on the basis of Chekhov's stories. The parts of the text referring to the topic of meals and food itself, which allow to determine them as the elements of fictional and objective reality, filled with cultural content, are analyzed.

Key words: *the situation of meals, ontological peculiarities of the meals, gnoseological peculiarities of the meals, the semantics of food.*

Dinara L. Gajibalaeva – post-graduate student of Russian language dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. Phone: +7-928-903-54-29; e-mail: abduzhamalovadinara@yandex.ru